

Новая жизнь старых источников. (Оштинская лексика в Словаре Куликовского)

В настоящее время, когда диалектные лексические данные в основном получили свое лексикографическое воплощение, вероятен тот факт, что значительно народный лексикон вряд ли будет пополнен. В то же время незаконченные многотомные словари, материалы которых собирались во второй половине XX в., при выходе очередного тома в свет еще долго будут давать пищу для размышлений и различных новых этимологических версий. При этом, по нашему мнению, настает пора более интенсивного анализа старых источников, своего рода классических словарных трудов. Таким трудом для русских говоров Обонежья является «Словарь олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении» Г. И. Куликовского, данные которого крайне важны при разработке субстратной и заимствованной лексики прибалтийско-финского происхождения и чаще всего использовались Я. Калимой в своей работе. У Я. Калимы в качестве базовых источников было три словаря: Словарь В. И. Даля (причем 1-е издание и 3-е, под редакцией И. А. Бодуэна-Куртене), Словарь А. О. Подвысоцкого и Словарь Г. И. Куликовского. Данные словаря В. И. Даля привлекались при выработке 196 этимологий, при том что ссылки на словарь Г. Куликовского насчитывают 195 единиц, на словарь А. Подвысоцкого – 45.

Материал для Словаря олонецкого наречия Г. И. Куликовский начал собирать в 1885 г. вместе с В. А. Мошковым. Сам Г. И. Куликовский пишет: «Мы делали немало поездок благодаря тому, что В. А. имел превосходную лодку-финку, был неутомимым, неустрашимым капитаном нашего небольшого экипажа, состоявшего из моряков-любителей, которым поездки по озерам и рекам Олонецкой губернии доходящие до 100 и более верст были нипочем... Записи велись нами двумя, причем, поочередно, один из нас вел разговоры с крестьянами, другой записывал интересные слова и выражения». Г. И. Куликовский, собирая материал, посетил свыше ста населенных пунктов Олонецкой губернии. Одним из таких пунктов была Ошта, большое село, известное своей Афанасьевской ярмаркой (с 18 по 28 января), на которую приезжали торговцы с мануфактурой и другими товарами из Вытегры, Петрозаводска, Олонца, Череповца, Новгорода. В настоящее время появилась возможность более тщательного анализа этих лексических данных, отмеченных в Словаре Куликовского, в связи с его подготовкой к печати и имеющейся компьютерной версией. В переиздание будут включены не получившие широкого распространения дополнения к этому словарю – 383 единицы (например, *омошиться* (Пудож.) ‘оправиться, прийти в себя’). Известно, что Г. И. Куликовский воспользовался материалами Барсова – их в словаре 789 единиц, А. А. Шахматова, который пополнил труд 614 словами. Кроме того, автор включил все лексемы с пометой «Олон.», помещенные в Словарь Даля, – 212 единиц.

В словаре зафиксировано 156 лексем с географической пометой «Ошта» (Лодейнопольского уезда), причем довольно часто данные этого населенного пункта сопровождаются данными н. п. Коштуги и Кондужи (ныне Кондуши) Вытегорского уезда. Примерно половина этого числа – 71 лексема – может быть сопоставлена с соответствующими вепскими единицами. Вероятно, сказывалось соседство с Шимозером, населенным преимущественно вепсами. Шимозеро Г. И. Куликовский также посетил, что нашло отражение на страницах словаря в виде 15 лексем, например: *хельмины* ‘так дразнят обывателей Шимозера’; *Амэрика* ‘насмешливое прозвище местности, заселенной чудью, и в особенности Шимозерской вол. Лодейнопольского уезда’. Следует также отметить, что для ряда слов, которые и ныне отмечаются в Оште, Г. И. Куликовский географическую помету «Ошта» не приводит. Ср., например: *кярза* (р. Свирь, Кондужи, Коштуги), *кярза* (Лодейноп.) ‘морда, челюсти животного, свиной пятачок, рыло, губы’, *кярзи брать* (Лодейноп.) ‘целоваться, получать поцелуи’: *Подойди сюда, так я те кярзу всю выворочу!* [Куликовский]; при наших данных: *кярза* ‘морда животного’, ‘морда, рыло – о лице человека’ Подпорож. (Ульино, Пидьма, Шеменичи, Заозерье, Яндеба), Вытегор. (Мегра, Ошта), Прионеж. (Ладва), ‘несговорчивый неуживчивый человек’ Подпорож. (Шустрчей), *кярзя* ‘морда животного’ Подпорож. (Курпово, Корба) [полевое лингво-географическое обследование автора]. Как видно, для этой лексемы ареал более широкий, нежели отмеченный Г. И. Куликовским. Еще одна лексема *кярба* имеет форму, не вполне совпадающую с вепской, ср. у Куликовского: *кярба* (Кондужи, Коштуги, Ошта) ‘срубленное, не толстое деревцо (около 4 вершков толщины в корне); у него обрубают сучки на столько, чтобы на оставшемся при стволе куске можно было стать ногой; прибор этот употребляется вместо лестницы, для вставания на скирду (преимущественно в лесу)’; при вепс. *kärbuz* ‘жердь с сучками для сушки сена, снопов’.

В перечне оштинских данных имеются единицы, до сих пор не получившие статуса неисконных, например: *бурандунь* (Коштуги, Кондужи, Ошта) ‘шарообразный звонок, бубенчик, привязываемый лошадям на шею’ [Куликовский], при вепс. *buru* ‘бубенец, бубенчик’ [СВЯ, 52]; *фузандать* (Кондужи, Коштуги, Ошта) ‘сердиться, насупиться’: *Ты што унять фузандаешь?*; *фузэнить* (Коштуги, Ол. Вед. 1896. № 59) ‘сильно дуть, особенно о сквозняке’: *Клы в дыру-ту што-ни, а ишь как фузэнить оттуля* [Куликовский], при вепс. *fuzeita* ‘шуметь(о кипящем самоваре)’.

Такого рода ретроспективный анализ фиксаций диалектных данных по их ареальным характеристикам дает возможность более тщательной и детальной проработки имеющихся источников как для этимологической интерпретации, так и для историко-лингвогеографической характеристики описываемого региона